

ГОИГ

Газета о нашей гимназии

24 февраля 2011 года № 7 (162)

Мир нашими глазами со смешинкой, с грустинкой, с интересом

Дорогие друзья! Жизнь вокруг нас интересна, разнообразна, увлекательна! Иногда мы пытаемся смотреть на все с юмором и насмешкой. Иногда получаем огромное наслаждение от путешествий в разные страны, а иногда большой радостью для нас является путешествие в прошлое. И как радостно, что мы можем передать наши чувства на бумаге и дать возможность другим улыбнуться над тем, чему улыбались мы, представить себе то, что мы увидели в путешествиях, познакомить других с нашими историческими исследованиями.

Читайте в нашей сегодняшней газете:

Историческое исследование Михаила Томилова.

Дорожные впечатления от поездок в Финляндию, Турцию, Италию, по России.

Оды и стихотворения о школьных событиях и наших учителях.

Елене Юрьевне посвящается

Муза, скажи нам о той благороднейшей деве, что учит
Нас языку нашей родины милой и литературе.
Много мы тайн и премудростей грамоты с нею постигли,
В книжных же дебрях она нам была проводницею доброй.

Бойтесь ее и страшитесь, но чтите ее как богиню.
Коль же прогневите, жертвы обильные вам не помогут -
Красною ручкой она и журналом всецело владеет,
Судьбы в руках у нее наши все и оценки за четверть.

В этих стихах, подражая ахейцам, восславим Елену!
Ту, что секреты науки божественной нам открывает.
Вы, пред которой все буквы, слова, предложенья трепещут -
Званью «учитель» почетно стоять рядом с именем Вашим!

Так почему ж до сих пор не поем мы Вам гимнов священных?
Взяться пора за перо, о, Гомер двадцать первого века!
Вы уж простите, что мы Вас пока восхваляем на русском,
Может быть, скоро на греческом будем Вам петь дифирамбы.

Аня Зубкова, 6А

Жизнь хороша, но жить тяжело

Встала из мрака молодая, с перстами пурпурными Эос.
Мирный покинула сон школяров и учителей стая.
Встали собаки, ленивые встали коты, снова птицы запели.
Жители сели в машины и в сторону школы помчались,
Тробики миную, от яркого света щурясь и жизнь проклиная.
Вот и она - на горе, как Олимп, возвышается, светит огнями.
Им бы успеть добежать, пока двери она не закрыла.
Скрипнули двери, подвластные чьим-то рукам, сокращая надежду
К знаниям путь проложить между Сциллой - Харибдой,
Снова к друзьям прикоснуться и съесть долгожданные чипсы.
Вот звонок прозвенел, слышен крик опоздавших несчастных.
Жизнь потекла по родным, хорошо всем известным законам:
Слушать, не дать себе снова уснуть, не подглядывать другу
в тетрадку,
Слову внимать постоянно, не дав послабления мозгу.
Снова звонок, ненадолго расслабиться можно,
Выйти из вод Океана докучливых знаний.
Долго ль? Всего пять минут на общения радость и крики.
Драки, истошные вопли врагов, пораженных летящим портфелем.
Это ль не счастье? Едва ли сравнимое с счастьем
Выйти во взрослую жизнь, одаренным могуществом знаний!

Степанян Полина, 6В

Заснеженная Москва, если взглянуть на нее со спутника, наверняка похожа на огромную снежинку. Сердце замирает, как представишь, что наш город планирует из стороны в сторону, и ты летишь вместе с ним, стараясь удержаться на ногах. Внизу кружатся леса и поля, города и деревни, которые будто бы вот-вот взлетят к тебе. Или это кружится голова? Ты стоишь на палубе стремительного драккара, снежинки острыми гранями колют тебе лицо, ветер шуршит одеждой. Ты чувствуешь необъяснимый восторг, отталкиваешься и летишь! Хочется петь, кричать и смеяться! Вот она — жизнь, ее безумный танец уносит душу далеко-далеко, дикая радость наполняет легкие, и больше ничего не существует для тебя, лишь ветер в лицо и это бесконечное прекрасное ощущение свободы.

И все, что для этого нужно — кусок картона и ледяная горка.

*Клещенко
Екатерина, 7А*

До странности обычный город

Хельсинки

Впервые пейзаж вызывал во мне ощущение неотделимости, соприкосновенности с городом. Хрустящие осколки снега под ногами, будто насмешливо прикрывающие ледяную мутную корку. Пустая площадь с одиноким, торжественно жалким в этом безмолвии памятником русскому царю, возвышающийся над ним белой громадой храм - вот первое, что чувствуешь, видишь, перед чем замираешь в таком невзрачном, до странности обычном городе - Хельсинки. Осторожно ступая, шурша застывшими снежными хлопьями, озираюсь по сторонам - ничего не задевает. Невозможность прочувствовать всю прелесть города вызывало какую-то скованность, возможно боязнь. Чистое небо слепило, сияло своим отрешенным, холодным светом. Нелепые торговые центры, тщательно подделанные под старину, вокзал... Чувство ограниченности не покидало и при невольном любовании вековыми елями, сверкающими остатками снега.

Сейчас, вспоминая, думаю, а все же, как восхитительна эта страна в своих немых, пустых улицах, нетронутости снега, редких и потому возможно ярко запоминающихся достопримечательностях. Они прерывают череду домов и парков. И улицы... В них чувствовался петербургский стиль, но насколько чужими, отдаленными они мне казались. Весь город был как на ладони, взглянув на карту, запоминался сразу. Я не сумела принять его, в действительности только наивно любовалась финской зимой. Что в ней такого? Она, возможно, лишь подчеркивает, собирает город в образ какого-то невообразимого чуда. Но она удивительна. Ею стоит дышать, её стоит чувствовать. И снова не могу представить Хельсинки без неё, без гармонично ровными холмами лежащего снега, свисающих деревьев.

Сизарёва Мария, 7А

Другой Стамбул

Сегодня я узнала другой Стамбул, не сухой и пыльный, с пожелтевшей листвой, каким мне его описывали, а аккуратный, с зелеными постриженными кустами, с мощеными тротуарами. Хотя, может быть, так мне

казалось через автобусное стекло? Я не знаю.

Переезжая из квартала в квартал, будто путешествовала во времени. Узкие пыльные улочки - главная часть Стамбула. В крохотных кафе сидят старички, читают или прикрываются от жаркого солнца газетами, медленно пьют кофе. Женщины с покрытыми головами в длинных одеждах испуганно оглядываются на резкие звуки. Сначала

рассматриваю узкие, но высокие старые покосившиеся дома на холмах. Казалось, они не живые. Но вот чья-то рука отдернула занавеску, и весь дом оживает: заколыхались вывески, захлопали ставни. В какой-то момент меня охватило чувство восторга. Мне нравятся такие дома, стоящие рядами, с дешевыми полутемными лавками на первых этажах и плотно запертыми деревянными ставнями на окнах. Внезапно вид за окном меняется. Начались мечети, огромные храмы. Вокруг них,

как воткнутые копыя, располагались минареты. Во всех сооружениях старого города чувствовалась восточная культура. Я немного запуталась. Мечети казались одинаковыми, а музеи поражали не экспонатами, а размерами комнат, помещений.

На площади одна единая толпа: туристы, местные жители, торговцы с листовками в руках. Приглядишься и видишь, как группы отделяются от этой толпы, и уже среди общих криков различаешь шепот немецких детей, громкий тонкий голос английского экскурсовода. Торговцы - смуглые молодые люди могут идти за человеком до конца площади, лишь бы отдать ему свой товар с выгодой. В первом дворе на светлых лужайках сидят женщины с детьми, обедают, или пожилые люди играют в свои игры, смеются. На резной скамейке у каменных ворот одиноко сидит человек, читает газету. Он поглядывает на группу молодых людей, счастливых и смеющихся, и снова бессмысленно листает газету. И таких одиноких людей здесь много. Я их понимаю. Но мне, москвичке, часто трудно оставаться одной. Этот мир строгий, со своими обычаями. Мне трудно его понять, быть может, из-за своих первых поверхностных впечатлений.

Сизарёва Мария, 7А

Из истории района

Историко-биографическая реконструкция «Ассенизатор»

*Что несёшь ты,
река, из бетонной трубы?
Вячеслав (Enormous Rat.)*

*Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный...
В. В. Маяковский*

5 (18) мая 1872 года, в день почитания Иконы Божией Матери «Неупиваемая чаша», в селе Тропарёве, что к Западу от Москвы, появился на свет Юрьев Егор Георгиевич. Его отцом был церковнослужитель Юрьев Георгий Григорьевич, пономарь Храма Архистратига Михаила в Тропарёво, а матерью, произведшей его на свет - Юрьева Мария Ивановна, урожденная Томилина. Отец Егора родился в 1846 году в Тропарёве и погиб в 1915 году в деревне Никулине, её присёлке, утонув в реке

Тарасовке, переправляясь через неё вброд во время весеннего половодья в возрасте шестидесяти девяти лет, потеряв и пережив своих жену и сына на двенадцать и одиннадцать лет соответственно. Его мать родилась в Никулине в 1850 году и умерла от бугорчатки в пятьдесят три года в 1903 году.

Егор получил имя Георгий и стал именоваться Юрьевым Георгием Георгиевичем, приняв крещение на месте службы Георгия Григорьевича. Отец прочил ему церковную карьеру, и тот получил начальное образование в Тропарёвском земском училище за неимением в селе церковно-приходской школы для соответствующей к ней подготовки. Егор провел своё детство в русской избе на правом берегу реки Тропарёвки, названной по селу, которое стояло на обоих её берегах.

В начале лета 1885 года тринадцатилетний отрок Георгий собрал в узелок все свои скудные пожитки и нехитрый скарб и пешим ходом отправился в город Москву, чем навлек на себя анафему и отречение от отца. На западной окраине второй столицы Российской империи Егор был подобран ассенизационным обозом. Вскоре он вошёл в его состав и стал работать там за символическую плату на должности младшего ассенизатора. Постоянным местом его жительства был барак для рабочих, выделенный городской управой обозу.

Через некоторое время Георгий возглавил всю службу, а затем, через семь лет её исправного исполнения, в двадцать лет от роду, сделался главным ассенизатором города Москвы, получив в его центре даже небольшую квартиру. Дослужившись до этого высокого звания, он стал одним из инициаторов начала функционирования первой очереди московской канализации в 1892 году, требования к ночному вывозу

нечистот на городские свалки по определённым маршрутам и обязательной дезинфекции ассенизаторских бочек после каждого из них, запрета на их перемещение рысью. Ассенизатор так и не узнал о смерти своей матери от туберкулёза в 1903 году. Юрьев Георгий Георгиевич стал жертвой московского смерча 16 (29) июня 1904 года в возрасте тридцати двух лет, холостым, не оставившим наследников и так и не получившим звание Почётного Гражданина Города Москвы, пусть это даже и не дало бы ему никаких привилегий и льгот, во время ассенизации кадетских корпусов к западу от Анненгофской рощи, будучи задавленным вместе со своим обозом,

сорванными с них ураганом крышами. Похоронен он был на погосте у Патриаршего Подворья в Тропарёво рядом со своей матерью, а впоследствии - и с отцом. Кладбище было ликвидировано в 1980 году во время сноса села. Сейчас на месте села находятся территории Академии Генштаба, Педагогического университета, жилых комплексов «Корона» и «Корона-Эйр» и Московской Гимназии на Юго-Западе № 1543. Река Тропарёвка, или Тарасовка, в середине XX века была переименована в Очаковку и на них она заключена в подземный коллектор. Храм Архангела Михаила, построенный Петром I Великим в 1693 - 1694 годах, сохранился до наших дней и является действующим в московском районе Тропарёво-Никулино. Также следует добавить, что в нём хранится образ Богоматери «Неупиваемая чаша»...

Томилов Михаил, 7Б

Храм

*по впечатлениям от поездки
в Иосифо-Волоцкий монастырь*

Храм Божий на холме стоит,
На берегу великой Волги.
И ярким пламенем горит
На солнце купол одинокий.

Тот храм стоит в глазах моих,
Огромный, грустный, обветшалый.
Здесь мёртвых больше чем живых,
Нет на надгробье розы алой.

Течёт река, не замечая
Надгробий этих и крестов.
И вещий звон, как отзвук Рая,
Не нарушает сна отцов.

Могилы заросли травой,
Трава везде, трава повсюду,
Но всё же я ещё живой,
О мертвецах молчать я буду.

Феофилактов Андрей, 7Б

Слово с горы древнего Ассоса

Пролетела ласточка или стриж. Может, конечно, не они, но это не важно. Вот так просто взять и задать себе вопрос: «А что есть все это для него?» Ближайший низкий мыс, уходящий далеко в море и разделяющий две бухты. А что для него разбросанные в беспорядке деревянные столбы, ведущие в никуда толстый черный провод? А что для птиц эти развалины? Древние греческие остатки проездных ворот, основания башен у самого обрыва.

А двадцатью пятью метрами ниже этот треклятый восточный базар. Хорошо ещё, что эти торговки в чалмах не забрались сюда, на место, которое пахнет свободой.

Море блестит. В тихой бухте дрейфует судно. Наверное, это судно похоже на то, что я видел вчера. А вчера я решил уйти от всех. Я люблю так делать. Уйти, видя только синее море и ничуть не уделяя внимания окружающему тебя мусору, чему-то почерневшему, сухой гнилой траве, хрумкающей под ногами. Далее я иду на маленькую деревянную пристань. Справа лежит укрытая пледом сетка с белыми и красными кольцами. Две лестницы по краям пристани спускались в море, слегка подрагивал канат, удерживающий рвущийся на свободу челн. У этого судна даже палуба была кривой. Но эта лодка скорее больше для романтики, нежели для плавания. Хорошо смотреть вдаль и вдыхать запах, включающий в себя смолу деревянной пристани, возведенной, должно быть, недавно, и соленого моря.

А что сейчас? Сейчас веселое и непринужденное пение птиц, говор приближающейся толпы туристов, колыхание травы, растущей между камнями, и две бесконечные стихии: небо и море, что вместе рождает свободу.

Купаев Борис, ТВ

..... Правда... Сказка...

Венеция! Ты для меня чужая,
Как странный недосмотренный сон.
Легко двуликой красотой играя,
Манишь пустынностью своих окон.

Прости меня, но я тебе не верю,
Тебя не существует, ты - мираж.
Я маску Джолли на себя примерю,
Но даже так мне сердце не отдашь.

Венеция! Стремлюсь тебя любить,
Но недоступностью отторжена твоей.
Не для меня здесь волны призваны царить
И биться о подножия церквей.

Не для меня прохладные ветра
Щекочут основания мостов,
И не меня ты столько лет ждала,
Храня таинственность пустых дворов.

Домов седых шептали стены: «Прочь!»
Я путаюсь, стремясь тебя понять.
Никто уже не сможет мне помочь -
Скажи, вернусь ли я к тебе опять?

Зеркальным отражением в воде
Я заморожена: в него гляжусь.
Мне не найти покой теперь нигде,
Скажи мне правду: я к тебе вернусь.

Хромова Екатерина 10 «Г»

Отраженья, отраженья...
Правда? Сказка? - Где ответ?
Ты мой плод воображенья,
Быть такой не может, нет!

Да, Венеция, ты сказка!
Невозможная мечта!
Вод твоих зелёных ласка -
Исчезает суета!

Голубиных крыльев шелест,
Пол уходит из-под ног.
О, Венеция, ты прелесть,
Кто тебя придумать смог?

Маски - лица, лица - маски,
Блики яркого стекла,
И мозаик древних краски,
И Сан-Марко купола!

Ты как тяжкий бред больного,
Но как сладок этот бред!
Я больна тобой, Венеция,
И лекарств от хвори нет!

*Евдокимова Валерия выпускница
XXXV параллель*

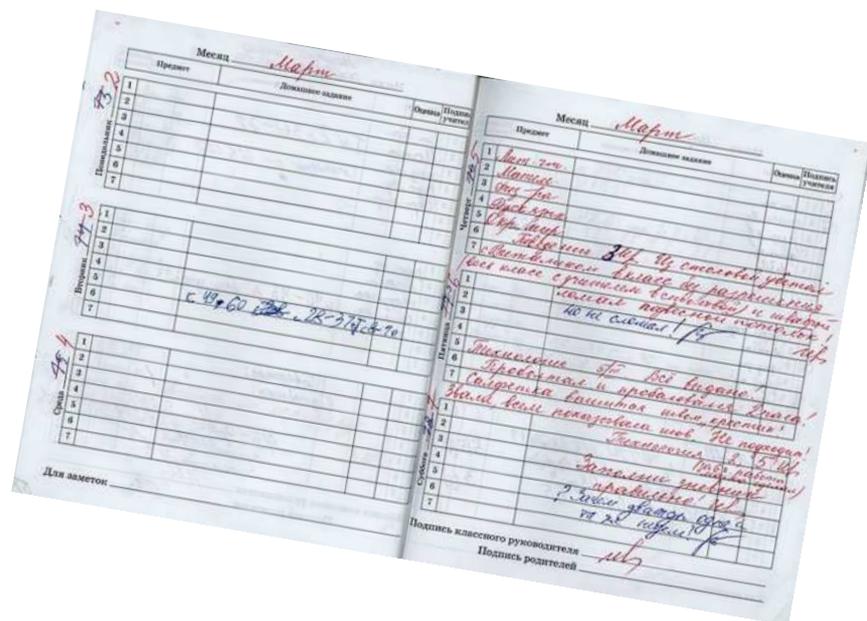
Ода школьному дневнику, как отраженью знаний, умений, талантов и залогу будущих побед!

Дневник мой школьный, верный друг.
Моих ты знаний отраженье!
Ты мой позор и униженье
На радость завистных подруг.

Еще недавно было дело
Я не могла читать-писать.
А щас гляди-ка, как созрела!
Пора уж замуж выдавать!

Но если вдруг жених
столичный
В дневник захочет заглянуть,
То мне мечты о жизни
личной
Придется враз перечеркнуть!

Внимайте, алчные подруги!
Мой горький опыт - вам урок!
Чтоб не попасть вам в ада круги,
Учитесь щас - иль выйдет срок.

Ефремова Екатерина, 9Б

Ода поступлению в школу

В сиянье золотых лучей
Пред мной разверзлася наука.
И я, как истый книгочей,
Ступила на стезю без звука.
И мир волшебных тайн, мир знаний
Пред мной, блистая, открывался
И в разум, словно ураган,
Стихией букв и цифр ворвался.

О, храм науки просветленья,
Ты много требовал труда,
Однако в дни благоволенья
Исполнен радости всегда.
Ты, на тернистый путь воздвигнув,
Отправил в трудную дорогу.
Но я, отчаянье отринув,
Шагаю к свету понемногу.

Андреева Александра, 9Г

Ода лени

Свеча горит, тетрадь открыта,
На улице темно, ни зги не увидеть.
В одно мгновение вся усталость позабыта,
И все бы хорошо, коль оду не писать.
И в голове уже не счесть вопросов,
Ах, как стремишься ты их разгадать.
Тихонько шепчет рифму Ломоносов,
И Пушкин вдохновляет сочинять.
Когда ж слова вдруг стали частью первого стиха простого,
И лунный свет разлился по небу, как будто акварель,
Царица лень, подруга Дельвига младого,
Вошла, и закружилось все, как в детстве карусель.
О лень, хвала тебе, ты двигатель прогресса!
И хоть порой ты развращаешь враз,
Видали б мы автомобили или кресла,
Когда бы ты не поглотила нас?
Кто б превратил в плиту огниво с кремнем,
Кто б научил людей изобретать,
Когда б не ты в порыве задушевном,
Ты, нынешнего века благодать?

Гимпельсон Наталья, 9В

Рассыпается вечер солнечным светом,
Бьются в судорогах вёсла гондол,
Затмевая путаных мыслей спор,
Волны веером расходятся от *vaporetto*.

Абрикосовой мякоти цвета дома
Подставляют щёки плеску реки,
Здесь тускло горят фонари до утра
И покорно гнут спину мосты.

И пестреют цветы, глядя в зеркало грез,
Гондольер свою песню поёт...
Этот мир исчезает, почти что исчез -

Очертанья в тумане тают.
На картинах прекрасных он только живёт,
И художники лишь о нём знают.

Рафу Екатерина 10 «Г»

Солёный холод ветерка,
Сухой гранит, безличье масок,
Bon giorno, grazia, облака
Плывут в лучах муранских красок,

Блеск солнца теплится в волне,
Украшив золотом фасады,
И узких улочек в воде
Заметно колыханье ада.

Вода, как зеркало, легла
Между прошедшим, полным славы,
И славным будущим вполне,

А чтобы заглянуть в века,
Склоните, путники, вы главы
К адриатической волне.

Юртаева Софья 10 «Б»

Их вечен неотступный спор -
Сиены и Флоренции,
И недостроенный собор
Лишь подтвержденье конкуренции.

Владенья Медичей надменных,
O Bella! Ты алтарь искусств,
А ты, этрусская Сиена,
На скачках падаешь без чувств.

Забыты гвельфы, гибеллины,
Но спор соперниц не забыт,
И битв прошедшего картины

Вошли в наш повседневный быт,
А спор с забытою причиной
Бессмертной славою покрыт.

Ткач Николай 10 «Г»

Объяснительная записка по случаю не вовремя сданного сочинения

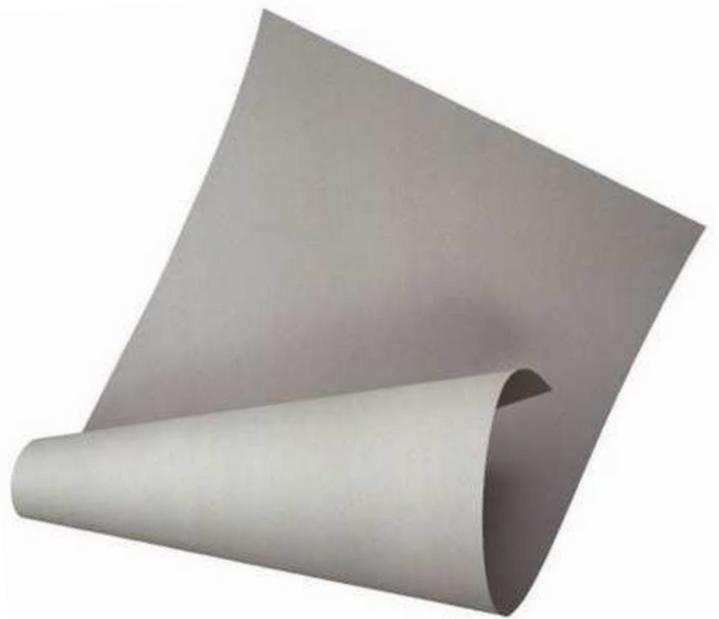
В девятом «Г» литература -
Нам сочиненье задают,
А сочиненье не халтура,
Но *«тяжкий, кропотливый труд»*.
Гуманитарии грустнеют,
Хотя писать они умеют...
Уже их мысли далеко:
Они идеи оформляют,
Они *«характер раскрывают»*,
Они злодеев обличают -
Они в *«свой мир»* ушли давно.

Я прихожу домой скорее,
Стараюсь как-нибудь начать...
Эй, Муза! прилетай быстрее,
Я без тебя начну скучать!
Ей, видно, долгая дорога:
Гуманитариев ведь много,
И всех ей надо посетить -
Их тусклый разум осветить.

Наутро в школе я с волнением
Скажу, что сочиненья нет.
«Учитесь черпать вдохновенье»

-
Услышу, как всегда, в ответ.
И я опять себя ругаю,
Неверность Музы проклиная...

Вернётся, верю, вдохновенье,
И, записавшись до утра,
Я сдам, хотя прошла пора,
Вам, мой учитель, сочиненье.

Хромова Екатерина 10 «Г»